

Д.Н. Овсяннико-Куликовский

История русской литературы XIX века

Том 3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Д11

Д11 **Д.Н. Овсянко-Куликовский**
История русской литературы XIX века: Том 3 / Д.Н. Овсянко-Куликовский – М.: Книга по Требованию, 2014. – 502 с.

ISBN 978-5-518-05640-4

ISBN 978-5-518-05640-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.
1855—1868 I

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Историческій очеркъ эпохи 60-хъ годовъ.

А. А. Корнилова.

Эпоха, получившая въ литературѣ наименованіе эпохи шестидесятыхъ годовъ, иначе называемая эпохой великихъ реформъ, охватываетъ первыя 10—12 лѣтъ царствованія Александра II. Конѣцъ предыдущей эпохи опредѣляется внѣшнимъ образомъ достаточно рѣзко смертью императора Николая и крушеніемъ его режима, послѣдовавшимъ вслѣдъ за неудачами Крымской войны. Начало новой эпохи ознаменовалось всеобщимъ стремленіемъ къ тому „преображенію всей жизни“, которое выразилось спустя нѣсколько лѣтъ въ вслѣдствіе преобразованій шестидесятыхъ годовъ и могущественно перевернуло вверхъ дномъ весь народный и общественный строй, сложившійся вѣками.

Такимъ образомъ началомъ эпохи шестидесятыхъ годовъ безспорно признается 1855 годъ. Гораздо труднѣе опредѣлить съ точностью ея конѣцъ. Осуществленіе отдѣльных реформъ, несомнѣнно принадлежащихъ къ циклу реформъ 60-ыхъ годовъ, оттянулось къ началу и даже къ срединѣ слѣдующаго десятилѣтія (городская реформа—1870 г., уничтоженіе рекрутчины и введеніе всеобщей воинской повинности—1874 г.). Съ другой стороны опредѣленные проявленія не только правительственной, но даже и общественной реакціи начинаются уже съ 1862—1863 гг. (въ связи съ петербургскими пожарами, польскимъ возстаніемъ и вмѣшательствомъ иностранныхъ державъ).

Наиболѣе рѣзкимъ внѣшнимъ фактомъ, опредѣляющимъ конѣцъ освободительнаго періода, можно считать выстрѣлъ Каракозова и начавшуюся вслѣдъ за нимъ бѣшеную реакцію, явившуюся рѣзкимъ поворотнымъ пунктомъ въ исторіи русской жизни. Къ этому моменту (къ 1866 г.) относится и окончательное закрытіе тѣхъ органовъ мысли, которые являлись типическими носителями идей шестидесятыхъ годовъ, и съ этого же времени началось рѣшительное искаженіе великихъ преобразованій этой эпохи.

Въ этой главѣ мы дадимъ историческій очеркъ эпохи 1855 — 1866 гг. и заключимъ его обзорѣнемъ реакціонныхъ мѣръ и общественнаго настроенія, сложившагося въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, имѣя въ виду, что элементы общественной жизни и мысли, давшіе содержаніе слѣдующему періоду семидесятыхъ годовъ, стали опредѣляться не ранѣе 1868 года.

Непосредственнымъ толчкомъ, вынудившимъ императора Александра II вступить съ самаго начала царствованія на путь великихъ преобразованій, признаются безспорно обидныя для національнаго самолюбія неудачи Крымской войны. Эти именно неудачи раскрыли передъ глазами и всего общества и самого правительства съ необываю яркостью всѣ язвы тогдашняго государственнаго и общественнаго строя Россіи и всѣ послѣдствія „удушающаго принципа“ тогдашняго режима. Режимъ этотъ къ концу царствованія императора Николая I сталъ до того невыносимъ, что самые искренніе и глубокіе патріоты, какъ Кошелевъ, Ив. Аксаковъ, Хомяковъ и другіе, готовы были признать „даже пораженіе Россіи сноснѣе и даже для нея и полезнѣе того положенія, въ которомъ она находилась въ послѣднее время“ (А. И. Кошелевъ, „Записки“, стр. 84). На войнѣ, въ которой противъ насъ приняли участіе передовыя страны Европы, прежде всего обнаружилась, конечно, наша боевая несостоятельность (при изумительномъ геройствѣ войскъ), обусловленная некультурностью нашей страны, выражавшейся и въ отсталости вооруженія арміи, и въ печальномъ состояніи военнаго хозяйства, и въ отсутствіи удобныхъ и скорыхъ путей сообщенія—до такой степени, что враги, высадившіеся на нашей территоріи, могли съ бѣльшими удобствами и быстротою снабжать свои арміи провіантомъ и боевыми припасами, нежели мы, русскіе, у себя дома. Тутъ ярко сказалось отсутствіе въ нашей странѣ развитой промышленности и торговли, а въ связи съ этимъ и сколько-нибудь удобныхъ путей сообщенія. Наши финансы также оказались въ плачевномъ состояніи, и военныя издержки пришлось, вслѣдствіе отсутствія кредита, покрывать выпускомъ бумажныхъ денегъ, а это произвело кризисъ, отъ котораго Россія не могла оправиться потомъ многіе годы. Наконецъ, обнаружилась нищета правительства въ духовномъ отношеніи, вслѣдствіе полнаго разобщенія его съ моральными и умственными силами страны. Все это доказало полную несостоятельность существовавшаго тогда государственнаго и общественнаго строя и настоятельную необходимость коренныхъ преобразованій.

Однако, всѣмъ было ясно, что ни серьезное преобразование государственнаго управленія и финансовой системы страны, ни свободное и быстрое развитіе промышленности и торговли не были возможны при наличности крѣпостнаго права, которое являлось въ тогдашней Россіи основаніемъ всего ея общественнаго строя. Неудобство этого строя давало уже давно себя чувствовать, и въ настоящее время можно считать положительно установленнымъ, что въ теченіе

первой половины XIX вѣка окончательно сложились матеріальныя условія, неизбежно требовавшія его измѣненія.

Въ ряду этихъ условій самымъ кореннымъ было уплотненіе населенія, которое, особенно въ болѣе населенныхъ центральныхъ черноземныхъ губерніяхъ, требовало измѣненія существовавшихъ приѣмовъ помѣщичьяго хозяйства въ сторону его интенсификаціи, такъ какъ даровой рабочей трудъ крѣпостного, при обилии рукъ и ртовъ, содержащихся въ помѣщичьихъ экономіяхъ, оказывался чрезвычайно мало продуктивнымъ и содержаніе крѣпостныхъ становилось годъ отъ году невыгоднѣе. Это положеніе обострялось еще болѣе участвующимися въ первой половинѣ XIX вѣка неурожаеми хлѣбовъ. Между тѣмъ сдѣлать подневольный трудъ болѣе продуктивнымъ оказывалось невозможнымъ. На фабрикахъ и заводахъ, которые пробовали завести помѣщики въ первой половинѣ XIX столѣтія, крѣпостной трудъ не выдерживалъ конкуренціи съ трудомъ вольно-наемныхъ рабочихъ; а между тѣмъ глубокія измѣненія техники въ фабричномъ производствѣ западныхъ государствъ Европы и особенно быстрое введеніе машинъ и другихъ улучшеній требовали соотвѣтствующихъ преобразованій и въ русскомъ фабричномъ производствѣ. Необходимой интенсификаціи сельскаго хозяйства и фабричнаго производства препятствовалъ также недостатокъ денежныхъ капиталовъ и отсутствіе благоустроеннаго кредита при чрезмѣрной задолженности большей части помѣщичьихъ имѣній. Такимъ образомъ крѣпостные въ помѣщичьихъ хозяйствахъ нѣкоторыхъ губерній становились обузою, и къ концу николаевского царствованія въ центральныхъ черноземныхъ губерніяхъ дѣло доходило до того, что ненаселенныя имѣнія стали цѣниться выше населенныхъ. То обстоятельство, что содержаніе крѣпостныхъ стало невыгоднымъ, въ свою очередь до крайности ухудшало ихъ положеніе, дѣлало это положеніе окончательно невыносимымъ и, разумѣется, обостряло взаимныя отношенія между помѣщиками и ихъ крестьянами. Это выражалось въ учащеніи волненій и бунтовъ помѣщичьихъ крестьянъ и случаевъ убійствъ отдѣльныхъ помѣщиковъ и управляющихъ помѣщичьими имѣніями. Все это заставляло даже завзятыхъ крѣпостниковъ подумывать уже въ сороковыхъ и пятидесятихъ годахъ о необходимости ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній.

Такъ складывались матеріальныя условія и, благодаря имъ, передъ Крымской войной мысль объ отмѣнѣ крѣпостного права была присуща уже не однимъ идеалистамъ и либераламъ сороковыхъ годовъ: она не была чужда и зауряднымъ помѣщикамъ, поскольку они способны были уразумѣть окружающую ихъ дѣйствительность.

Во время войны правительство было въ свою очередь поставлено въ чрезвычайное затрудненіе волненіями крѣпостныхъ крестьянъ, вспыхнувшими во многихъ губерніяхъ въ связи съ манифестами 1854 г. о морскомъ ополченіи и 1855 г. о народномъ ополченіи. Эти манифесты, сопровождавшіеся воззваніемъ синода, которымъ православ-

ные призывались на защиту церкви и отечества, вызвали въ крестьянахъ одновременно и подъемъ горячихъ патріотическихъ чувствъ и стремленіе къ неповиновенію помѣщикамъ и мѣстнымъ властямъ, такъ что правительству пришлось въ годину опасной для государства войны усмирять при помощи военныхъ командъ возставшія на защиту отечества патріотически настроенныя народныя массы. Нему дрено, что послѣ этого кн. Горчаковъ, бывшій главнокомандующимъ въ Севастополѣ, сказалъ государю, когда военныя дѣйствія прекратились: „хорошо, что мы заключаемъ миръ: долъше воевать мы были не въ силахъ. Миръ дастъ намъ возможность заняться внутренними дѣлами и этимъ должно воспользоваться. Первое дѣло—нужно освободить крестьянъ, потому что здѣсь узелъ всякихъ золъ“. Рѣшимость правительства приступить къ кореннымъ преобразованіямъ выразилась и въ слѣдующихъ заключительныхъ словахъ манифеста, изданнаго по поводу мира: „При помощи небеснаго промысла, всегда благодѣющаго Россіи, да утверждается и совершенствуется ея внутреннее благоустройство; правда и милость да царствуютъ въ судахъ ея; да развивается повсюду и съ новой силою стремленіе къ просвѣщенію и всякой полезной дѣятельности, и каждый, подъ сѣнію законовъ для всѣхъ равно справедливыхъ, всѣмъ равно покровительствующихъ да наслаждается въ мирѣ плодами трудовъ невинныхъ“.

Еще сильнѣе сознаніе необходимости коренныхъ преобразованій проникало представителей тогдашняго образованнаго общества. „Мы сдались,—писалъ тогда Ю. Ф. Самаринъ,—не передъ внѣшними силами западнаго союза, а передъ нашимъ внутреннимъ безсиліемъ. Это убѣжденіе, видимо проникающее всюду и вытѣсняющее чувство незаконнаго самодовольствія, такъ еще недавно туманившее намъ глаза, досталось намъ дорогою цѣною; но мы готовы принять его, какъ достойное вознагражденіе за всѣ наши жертвы и уступки...“ „Чѣмъ бы ни болѣла земля: усыпленіемъ мысли, застоємъ производительныхъ силъ, разобщеніемъ правительства съ народомъ, разъединеніемъ сословій, порабощеніемъ одного изъ нихъ другому,—всякій подобный недугъ, отнимая возможность у правительства располагать всѣми подвластными ему средствами и, въ случаѣ опасности, прибѣгать безъ страха къ подъему народной силы, воздѣйствуетъ неизбѣжно на общій ходъ военныхъ и политическихъ дѣлъ“.

Такъ думали въ то время одинаково и славянофилы (Самаринъ, Аксаковъ и Кошелевъ), и западники (Грановскій и Кавелинъ), и радикалы, вродѣ Чернышевскаго, тогда еще совсѣмъ неизвѣстнаго, и патріоты, вродѣ редактора „Москвитянина“ Погодина. Этотъ послѣдній даже выразилъ свои мнѣнія нѣсколько раньше и смѣлѣе другихъ, еще въ 1854 г., въ письмахъ, адресованныхъ къ самому императору Николаю. Въ журналахъ, при существовавшихъ тогда цензурныхъ условіяхъ, ничего подобнаго, даже намеками, сказать, разумѣется, было нельзя. Поэтому, когда при началѣ восточной войны 1853—1855 гг. загнанное и, казалось, совершенно уничтоженное

общественное мнѣніе стало сначала робко, а потомъ все смѣлѣе шевелиться и поднимать голову, то единственной возможной для него формой выраженія оказались рукописные памфлеты, записки и письма, ходившіе по рукамъ, какъ контрабанда, а иногда направлявшіеся при помощи нѣкоторыхъ сановниковъ даже и въ придворныя сферы*). Замѣчательно, что Погодинъ, указывавшій въ своихъ письмахъ съ полною откровенностью и даже рѣзкостью на необходимость кореннаго измѣненія всей внутренней и внѣшней политики и административной системы, оговаривался въ письмѣ къ Адлербергу, что большая часть сужденій и даже выраженій въ его запискахъ принадлежитъ собственно не ему, а принадлежитъ „обществу“ и слышана была имъ въ Петербургѣ и Москвѣ. „Я,—пишетъ онъ,—не хотѣлъ ихъ ни смягчать, ни измѣнять, ни полировать, думая, что въ сыромъ своемъ видѣ они должны быть извѣстны правительству для его высшихъ соображеній“ Еще замѣчательнѣе было то, что авторъ этихъ писемъ, человѣкъ, несомнѣнно, искательный и своекорыстный, не только не опасался какихъ-либо полицейскихъ воздѣйствій за свое рѣзкое осужденіе существовавшей системы, а, наоборотъ, мечталъ, какъ видно изъ его дневника, то о мѣстѣ оберъ-прокурора синода, то о постѣ посланника въ Вѣнѣ. Въ этомъ нельзя не видѣть самага рѣшительнаго указанія на то, что неизбежность коренныхъ измѣненій тогдашняго общественнаго и административнаго строя выяснилась до степени полной очевидности еще при Николаѣ.

Съ воцареніемъ Александра II это сознаніе и соотвѣтствующее общественное настроеніе быстро охватило болѣе широкіе круги тогдашняго такъ называемаго „образованнаго общества“ „Здѣсь, въ Петербургѣ,—писалъ въ одномъ письмѣ начала 1856 г. К. Д. Кавелинъ,—общественное мнѣніе расправляетъ все болѣе и болѣе крылья. Нельзя и узнать больше этого караванъ-сарая солдатизма, палокъ и невѣжества. Все говоритъ, все толкуетъ вкось и вкривь, иногда и глупо, а все-таки толкуетъ и черезъ это, разумѣется, учится. Если лѣтъ пять-шесть такъ продлится, общественное мнѣніе, могучее и просвѣщенное, сложится и позоръ недавняго еще безголовья хоть немного изгладится“. И. С. Аксаковъ, извѣздившій въ это время довольно много губерній, особенно на югѣ Россіи,—сперва въ качествѣ ополченца, а затѣмъ по дѣламъ комиссіи, производившей слѣдствіе о злоупотребленіяхъ при снабженіи крымской арміи припасами,—свидѣтельствуетъ въ своихъ письмахъ къ роднымъ, что въ провинціи тоже замѣчалось начало общественнаго движенія среди болѣе молодыхъ и честныхъ людей, которыхъ самъ Аксаковъ объединяетъ общимъ наименованіемъ „послѣдователей Бѣлинскаго“. Въ Тамбовской губерніи это броженіе ознаменовалось даже арестами и

*) До Николая Павловича изъ писемъ, предназначавшихся для него Погодинымъ, дошло, повидимому, одно. Оно было прочтено имъ, несмотря на необычную смѣлость содержанія и тона, безъ гнѣва и даже вызвало снисходительное благоволеніе къ автору.

обысками, начавшимися арестомъ Н. А. Мордвинова (въ 1855 г.), вскорѣ, впрочемъ, прекращенными по распоряженію высшаго правительства.

Образованное общество того времени представляло собой весьма тонкій и не особенно разнородный по своему составу слой. Въ составъ его входили, если не считать отдѣльныхъ представителей высшаго аристократическаго круга, главнымъ образомъ лица средняго дворянскаго помѣщичьяго класса и чиновники съ высшимъ образованіемъ: учителя, врачи, нѣкоторыя лица судебного и административнаго персонала. Но лицъ, получившихъ высшее образованіе, и ранѣе было немного, а съ 1849 г. по повелѣнію императора Николая даже въ столичныхъ университетахъ число студентовъ всѣхъ факультетовъ, кромѣ медицинскаго, было опредѣлено комплектомъ въ 300 человекъ. Но и изъ окончившихъ курсъ въ университетахъ многіе, вступивъ въ службу и замкнувшись въ тѣсный кругъ семейныхъ и хозяйственныхъ интересовъ, обростали мохомъ и при полной безгласности послѣднихъ лѣтъ николаевскаго царствованія теряли всякій интересъ къ общественнымъ дѣламъ и даже вкусъ къ чтенію немногихъ существовавшихъ тогда газетъ и журналовъ, почти лишенныхъ, впрочемъ, всякаго общественнаго содержанія.

Однако, ударъ, нанесенный національному самолюбію, и бѣдствія, перенесенныя во время осады Севастополя, были настолько сильны, что заставили очнуться и искать выхода не только прежнихъ читателей и почитателей Бѣлинскаго или слушателей Грановскаго, но и людей мало просвѣщенныхъ и мало сознательныхъ. Даже торгово-промышленный классъ, представлявшій тогда еще почти сплошное „темное царство“, зашевелился и потянулся къ прогрессу. Журналы и газеты конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ полны статьями, замѣтками и извѣстіями, касающимися коммерческихъ отношеній, успѣховъ и нуждъ русской торговли и промышленности, проектовъ новыхъ желѣзнодорожныхъ сообщеній и организаціи кредита и кредитныхъ установленій. Необычныя трудности снабженія нашихъ войскъ всѣмъ необходимымъ, въ высшей степени разорительная подводная повинность, которую пришлось вынести на своихъ плечахъ въ особенности южнымъ губерніямъ, блокада нашихъ портовъ, огромные расходы на содержаніе дѣйствующихъ армій и войскъ, поставленныхъ на военное покоженіе, а также народнаго ополченія, уничтоженіе огромныхъ запасовъ и заготовокъ непріателемъ на берегахъ Азовскаго и Чернаго морей, не говоря уже о гибели массы рабочихъ силъ въ Севастополѣ и временномъ отвлеченіи еще большихъ массъ отъ хозяйства,—все это страшно истощило производительныя силы страны. Но въ то же время огромные выпуски бумажныхъ денегъ и наличность огромныхъ заготовокъ и поставокъ для арміи въ связи съ всеобщимъ сознаніемъ необходимости немедленной постройки новыхъ желѣзнодорожныхъ линій и окончанія начатыхъ до войны вызвали небывалое движеніе и оживленіе въ коммерческой средѣ. Еще до заключенія мира стали возникать новыя

промышленныя предпріятія, появились увлекательные проекты, которые начали вытягивать на свѣтъ божій скопленные и залежавшіеся капиталы. Этому же отчасти содѣйствовало распоряженіе о пониженіи процента по вкладамъ, которое повлекло за собой массовое вынутіе вкладовъ, лежавшихъ въ казенныхъ кредитныхъ установленіяхъ. Постройка новыхъ желѣзнодорожныхъ линій была, однако, сдана иностраннымъ капиталистамъ. и потому русскіе капиталы направились на основаніе различныхъ акціонерныхъ компаній и другихъ предпріятій со складочнымъ капиталомъ, которыя росли въ это время, какъ грибы. Благодаря всѣмъ этимъ обстоятельствамъ и несмотря на огромные убытки, нанесенные войной производительнымъ силамъ страны, годы 1855 и 1856 вспоминались въ послѣдующіе годы русскими капиталистами, какъ золотое время.

Успѣхъ и расцвѣтъ этого движенія, возникшаго въ странѣ, только что истощенной войной, были, конечно, эфемерны и кратковременны. Быстротѣ наступленія кризиса содѣйствовали и неумѣлыя финансовыя мѣропріятія правительства, и разразившійся въ 1857 г. всемірный торгово-промышленный кризисъ. Тѣмъ не менѣе лихорадочное оживленіе промышленности, послѣдовавшее вслѣдъ за Крымской войной, хотя и отозвалось черезъ нѣсколько лѣтъ цѣлымъ рядомъ банкротствъ и разореній отдѣльныхъ капиталистовъ, дало однако же могущественный толчокъ развитію русской промышленности и капитализма, а начавшаяся въ томъ же 1856 г. усиленная постройка желѣзныхъ дорогъ, несмотря на всѣ промахи, ошибки и злоупотребленія, сопровождавшіе это дѣло, еще болѣе упрочила поворотъ къ новой эпохѣ экономическаго развитія русскаго государства. Для окончательнаго упроченія этого поворота необходима была отмѣна крѣпостного права и коренная перестройка дѣйствовавшей административной системы, въ смыслѣ установленія въ странѣ элементарныхъ основаній гражданской свободы и правового порядка. Къ этимъ преобразованіямъ и направились соединенныя усилія передовыхъ государственныхъ дѣятелей и наиболѣе просвѣщенныхъ представителей общества конца пятидесятихъ годовъ.

Правительство стало тогда во главѣ преобразовательнаго движенія; оно являлось инициаторомъ коренныхъ преобразованій. Общество на первыхъ порахъ было охвачено какимъ-то безграничнымъ оптимизмомъ. Оно готово было привѣтствовать съ необыкновеннымъ единодушіемъ каждый шагъ правительства по пути отмѣны тѣхъ суровыхъ и нелѣпыхъ ограниченій, которыми скована и опутана была русская жизнь послѣ революціи 1848 года. Всеобщій восторгъ въ обществѣ вызывали не только отмѣны запрещенія выѣзда за границу или ограниченій, тяготѣвшихъ надъ университетами; не только разрѣшеніе новыхъ, болѣе полныхъ изданій Пушкина, Гоголя и Кольцова, но даже отчетъ министра народнаго просвѣщенія Норова за 1855 г., обѣщавшій произрастаніе обильныхъ плодовъ науки и нравственнаго преуспѣянія на почвѣ „столь тщательно приготовленной и

нынѣ согрѣваемой царственной благодатью“. Этотъ отчетъ будущій непримиримый радикаль Чернышевскій перепечаталъ тогда въ „Современникѣ“, въ увѣренности, что „читателямъ будетъ пріятно съ новою благодарностью къ монарху припомнить весь рядъ тѣхъ знаковъ Державнаго вниманія къ развитію нашего просвѣщенія, которыми такъ прекрасно ознаменованъ былъ истекшій (1855) годъ“.

Это было время, когда передовыя группы русскаго общества еще не дѣлились на либераловъ и радикаловъ, и даже старые раздоры и распри между западниками и славянофилами были на время забыты въ виду свѣтлыхъ и радостныхъ перспективъ ближайшаго будущаго. Это было время, когда почитатель и ученикъ Бѣлинскаго Кавелинъ писалъ нѣжныя письма другу и единомышленнику Шевырева Погодину, когда Н. Г. Чернышевскій писалъ одни только похвалы и комплименты и славянофиламъ „Русской Бесѣды“ и „Русскому Вѣстнику“ Каткова. Этотъ розовый оптимизмъ и единоклюбіе сопровождались чрезвычайно скромной программой преобразованій, которую Чернышевскій формулировалъ въ 1856 г. въ слѣдующихъ словахъ: „Въ самомъ дѣлѣ, чего хотимъ мы всѣ?—увеличенія числа учащихъ и выучивающихся; усиленія научной и литературной дѣятельности; проложенія желѣзныхъ дорогъ; разумнаго распредѣленія экономическихъ силъ и т. д.“... Подъ „разумнымъ распредѣленіемъ экономическихъ силъ“ разумѣлось упраздненіе крѣпостнаго права, о чемъ говорить открыто въ печати не разрѣшалось до 1858 года.

Правительство также не имѣло опредѣленной программы. Подъ вліяніемъ неудачъ Крымской войны императоръ Александръ созналъ необходимость широкихъ преобразованій, ясно видѣлъ необходимость приступить къ ликвидаціи крѣпостнаго права, понималъ необходимость простора и свѣта, чтобы воспитать въ обществѣ нѣкоторую самодѣятельность и умѣніе вести общественныя дѣла, но не зналъ, какъ приступить къ этимъ реформамъ. Онъ былъ воспитанъ въ атмосферѣ „удушающаго принципа“ и его окружали люди, привыкшіе дышать тѣмъ же воздухомъ. Свѣжихъ людей онъ боялся, свѣжіе идеи и взгляды его шокировали даже тогда, когда они шли, казалось, навстрѣчу его собственнымъ намѣреніямъ. Онъ хотѣлъ приступить къ преобразованію общественнаго и государственнаго строя страны при помощи старыхъ совѣтниковъ своего отца, къ которымъ относился съ чрезвычайною бережностью. Болѣе молодые бюрократы, тронутые идеями вѣка, вродѣ Николая Милютина, казались ему революціонерами...

Императоръ Александръ твердо рѣшилъ приступить къ ликвидаціи крѣпостнаго права, сознавая, что безъ этой реформы обновленіе государства невозможно, и онъ гласно выразилъ свой взглядъ на это дѣло дворянству, собранному въ Москвѣ на коронацію лѣтомъ 1856 года; но государю непремѣнно хотѣлось, чтобы эта реформа совершилась не диктаторіально, а какъ бы по волѣ самого дворянства; подготовительную же разработку вопроса онъ поручилъ